

И

нокентий Глебович Прокушев папу помнил смутно.

Мальчику было два с половиной года, когда его сводили на две новогодние елки. Первая елка была на маминной работе. Сперва Кеша испугался Деда Мороза, затем ребенок сидел у мамы, Дарьи Прокушевой, на коленях и хлопал в ладошки. Вторая елка была на работе папы, Глеба Прокушева. Там Дед Мороз совершенно не интересовал малыша. Кеша сначала бегал и смотрел на елку с игрушками, а потом описался.

Когда ребенку было четыре, отец в последний раз пришел в коммуналку, где у Прокушевых были две маленькие смежные комнаты. Глеб тогда принес сыну игрушечный черный пистолет. Мальчик сидел в кроватке, поглощенный подарком. Папа и мама мирно разговаривали — эту картину Кеша запомнил на всю жизнь. Родители развелись. Глеб исправно платил алименты, завел новую семью и жил с ней в своем родном городе Ростове-на-Дону. Ни разу не позвонил бывшей жене и сыну.

Дарья Антоновна, сменившая фамилию на девичью, по-прежнему работала в районной библиотеке и покупала все замечательные детские книжки, какие только могла. В шесть лет у Кеша были русские,

литовские, монгольские, японские народные сказки, сказки Шарля Перро и братьев Гримм, приключения Незнайки, Робинзона Крузо, барона Мюнхгаузена, Тома Сойера, а также «Старик Хоттабыч», «Три толстяка», «Принц и нищий» и «Путешествия Гулливера». Дарья Марушкина свозила сына в Уголок Дурова, осенью они ездили в Измайловский парк «сбирать желтые листики». Под Новый год мама и сын вырезали из плотной бумаги купленные Дарьей Антоновной яркие разноцветные самодельные елочные игрушки, склеивали их и развешивали на елке.

Марушкиной удалось по знакомству устроить Кешу в детский сад. Вечером она освобождалась поздно и не всегда могла забрать ребенка. Иногда оставшегося последним мальчика отвозили домой за небольшую плату две молоденькие воспитательницы. Однажды в трамвае одна из них спросила Кешу:

— Кого ты больше любишь: меня или ее?

Мальчик растерялся. Выбрать одну означало обидеть другую. На таком тяжелом распутье он больше не оказывался никогда.

Как-то весной 1955 года под вечер к маме пришел в гости мужчина, представившийся Кеше дядей Валерой. Он тоже подарил ребенку оружие — игрушечный автомат, а сам взял у мальчика черный пистолет. Дарья Антоновна разговаривала на кухне с соседями. Гость и Кеша вышли в коридор, прицелились в людей. Дядя Валера командовал:

— Огонь! Огонь!

Они расстреливали, люди смеялись, и стрелявшие смеялись. Кеша испытал чувство восторга.

Утром дядя Валера не стал делать гимнастику, и ребенок удивленно спросил:

— Вы зарядку не делаете?

Мужчина не стал срывать воспитательную работу Кешинной мамы:

— Делаю, но не в гостях.

Летом дядя Валера снова приехал к ним, на этот раз на автомобиле «Москвич». Кеша обрадовался: хотелось расстреливать. Но вместо этого отправились втроем за город. В пути мама сказала сыну, что училась с дядей Валерой в одном классе, что он художник. Дядя Валера рассказывал:

— У меня был велосипед, я его продал и купил мотоцикл, потом продал и его, и купил машину.

Мама смеялась.

«Москвич» остановился на берегу реки. Вышли. Погода была хорошая. Художник сказал:

— Иннокентий, иди, погуляй.

Кеша ушел в лес, долго сидел на пеньке, потом вернулся. Купались. Поехали домой поздно.

Больше дядя Валера не приезжал, и мальчик про него забыл.

Кеша попросил и обожал играть во дворе в хоккей. Как-то гулял по переулку и увидел афишу. Прочитал крупные буквы, сделав ударение во втором слове на второй слог и приняв его за отчество: МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ. Подумал: а где же фамилия?

Однажды в воскресенье пришел человек с аккордеоном. Он объяснил Кеше ноты, позанимался с ним, потом сказал Дарье Антоновне:

— У вашего сына нет музыкальных способностей.

И ушел навсегда, и аккордеон унес.

В школе на новогоднем вечере была устроена лотерея. Выигрыши

были простенькие: конфета, мандарин. А главным призом был хит Майи Кристалинской «Мой самый главный человек, взгляни со мной на этот снег — он чист, как то, о чем молчу, о чем сказать хочу...» Кеша, комсорг восьмого «в», на сцене актового зала руководил розыгрышем и устроил так, чтобы пластинка досталась ему. Он на всю жизнь запомнил, как посмотрела тогда на него восемнадцатилетняя старшая пионервожатая. Она ничего не сказала, но взгляд ее выражал беспощадный приговор: «Какая сволочь!»

Первая сигарета, первая выпивка с одноклассниками, первая девушка... И по-прежнему хоккей, от которого, к сожалению, приходилось отрывать себя и ездить на двух троллейбусах с пересадкой к преподавательнице французского. За один урок она брала пять рублей. Через полгода «француженка» от ученика отказалась, объяснив Марушкиной:

— Ему не интересно.

В 1967 году Кеша получил аттестат зрелости с пятерками по черчению, физкультуре и поведению, с четверками и с одной тройкой — по химии. Надо было выбрать вуз. Дарья Антоновна посоветовала: может быть, в Полиграфический, на редактора? Сын задумался: «В «Правде» есть редактор, в «Известиях» тоже есть редактор, в каждой газете есть. Я не найду работу». В те годы по радио без конца пели про геологов: палатки, костры, гитары... Юноша поехал на проспект Маркса, в Геологический институт. Там узнал, что главный предмет у них химия. Из нее он помнил только, как проходили дибутил пропилил метан, класс смеялся, даже химичка сказала:

— На каком основании?

Кешин одноклассник поступал в Московский электротехнический институт связи, в знаменитый МЭИС, и сагитировал нашего героя. Приятель провалился, а у Кешы получилось. Правда, сдавая физику, в известной школьникам формуле «работа-мощность-время» он перепутал местами числитель и знаменатель и чудом ушел с тройкой, но остальное сдал удачно.

Начались студенческие годы, которые принято называть славными. Что запомнилось Иннокентию? Концерты бардов, чаще малоизвестных, но порой и знаменитых. Перед экзаменом Кеша обычно до утра пил черный кофе и писал шпаргалки. С горем пополам сдавал операционное исчисление, математическую теорию сигналов, проектирование и эксплуатацию сетей связи, многоканальные телекоммуникационные системы и прочее (преподаватели особо не зверствовали); тут же вся эта фигня навсегда улетучивалась из его молодой головы. Если дело было летом, после бессонной ночи как ни в чем не бывало ехал с ребятами в Филевский парк играть допоздна в футбол, купаться в Москве-реке и пить водку. В положенный срок наш студюзуз стал обладателем синей корочки, подписанной председателем государственной экзаменационной комиссии и ректором МЭИСа. Вкладыш в нее — выписка из зачетной ведомости — содержал две четверки: по инженерной графике и истории КПСС. Все остальные знания были оценены как удовлетворительные. Прокушева распределили в закрытый научно-исследовательский институт, находившийся совсем рядом с его домом, — повезло. В отделе кадров этого НИИ теперь лежала заверенная машинописная копия диплома Иннокентия по профильной для данного учреждения специальности. А вкладыш ни кадровик, ни начальник Иннокентия даже не попросили показать, и никого в НИИ оценки ни разу не заинтересовали. Правильно. Зачем лишние подробности?

Трудно сказать, как Прокушев справился бы с работой при таком теоретическом багаже. Так что же, молодого специалиста ждал крах? Нет! Судьба его уберегла, ему выпал счастливый лотерейный билет. Он оказался в подразделении, в котором не нужно было разбираться в электротехнике связи. Как по заказу, Иннокентия усадили в конструкторском бюро за кульман, и отныне от него не требовалось понимать, как работает то, что он чертит, надо было только красиво это самое чертить. Парень со знаниями затосковал бы, но не Кеша. Чертить Прокушеву нравилось еще со школы. И он чертил. Ему позавидовали бы миллионы советских рабочих. Благополучный инженер-конструктор каждое утро надевал свежую, отглаженную мамой белую сорочку, завязывал модный галстук. Пройдя полкилометра, удобно сидел весь день в большой, тихой, хорошо освещенной и проветренной комнате, среди людей, не измотанных трудом: милых, интеллигентных женщин и нескольких вежливых мужчин. Работа у баблоня судьбы была чистая, можно сказать — дамская. В половине первого наступала очередь КБ обедать. В столовой института Кеша брал отварной говяжий язык с хреном или семгу, харчо или окрошку на мацони, лангет с жареным картофелем и зеленым горошком или шашлык, сок — виноградный или апельсиновый. Все было о'кей. Молодого человека ожидала успешная карьера при условии исполнительности, хорошего поведения и благонадежности, это он готов был предъявить, особенно последнее. Мама была спокойна.

Свою личную жизнь Иннокентий тоже обустроил. В Реутове жила однокурсница Мила Косицына. Кешу давно травмировали ее глаза с просинью, глядевшие, правда, на него как на пустое место. Мила укатила со старшим лейтенантом в Ярославль. Через год вернулась одна, потрепанная, и теперь уже была приветлива с Прокушевым, а он все простил, его влекло к ней не меньше, чем раньше. Он мчался на метро до конечной, потом долго добирался на автобусе, но есть в жизни вещи, за которыми поедешь на край света. Кеша открывал дверь своим ключом, входил, и ему улыбались глаза с просинью. Косицына иронизировала, посмеивалась над Прокушевым (он не обижался) и раздевалась.

Он подал ей мысль посетить Кремль. Интересно же. Экскурсовод отбарабанил наизусть текст, тщательно проверенный и утвержденный наверху, потом, когда группа стояла около Успенского собора, предложил задавать вопросы. Лысый мужчина спросил:

— Вот вы говорите «двенадцатый век», «шестнадцатый век». А сколько всего было веков?

— Наша планета существует примерно сорок пять миллионов веков.

Дама с мальчиком поинтересовалась:

— Андрей Рублев расписывал Успенский собор?

— Нет. Он расписывал Успенский собор во Владимире. А в Москве он вместе с другими мастерами расписал Благовещенский собор.

Иннокентию отечественная история нравилась еще в школе. Сейчас ему захотелось разбираться в ней не хуже очкарика-экскурсовода. Тем более что свободного времени у инженера-конструктора было достаточно.

Так это началось.

Прокушев записался в библиотеку. В разговорах Иннокентия с Косицыной появились новые темы. Мила терпеливо слушала его и тоже пыталась высказаться по научным проблемам, несла ужас что, он молчал и улыбался. Дарья Антоновна подходила к столу сына и одобрительно поглядывала на тома Карамзина по истории, не ожидая от автора «Бед-

ной Лизы» ничего плохого. Пусть у мальчика будет хобби. Вскоре на столе уже высились Соловьев, Ключевский и Покровский. Сын познакомился со всеми князьями — Ярославичами, Святославичами, Ростиславичами, Всеволодовичами, начертил разноцветной тушью (профессионал!) на двух больших склеенных листах ватмана и прикрепил над своей кроватью подробное генеалогическое древо Рюриковичей вплоть до царя Федора Первого Иоанновича.

Все было хорошо. Да не все. Однажды, неожиданно для мамы, грянул гром. Иннокентий взял отгул, поехал в Научно-исследовательский институт истории Академии наук СССР и попросился там на любую работу, хоть дворником. Ему отказали. Он не пал духом и явился в один из многочисленных московских архивов. Замдиректора архива Чувасова спросила:

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— Кем вы хотите стать?

— Историком.

— Тогда вы пришли куда нужно. Сколько вы получаете?

— С квартальной премией сто сорок в месяц.

— Мы можем предложить вам только должность хранителя фондов, восемьдесят рублей и никаких премий.

— Я же не всю жизнь буду получать восемьдесят?

— Это зависит от вас.

Чувасова не была потрясена. В архивах работало и работает немало увлеченных людей, которые могли бы в других местах зарабатывать больше.

На следующий день, приехав в КБ, Прокушев написал заявление об уходе.

— Куда? На какой оклад? — спрашивали коллеги.

Иннокентий отвечал:

— Будет мало. Сколько — стыдно сказать, а врать не хочу.

Никто не поверил, что он придурок. Все поняли, что парень нашел клевое местечко, боится, как бы ему не перебежали дорогу, и отстали.

Марушкина же сказала:

— Ты пожалеешь.

Сыну только еще предстояло пожалеть, а вот семейный бюджет уже сразу терял двадцать пять процентов.

Через две недели Прокушев первый раз ехал в архив на службу. Представлял себе обстановку и жизнь в архивохранилище так: что-то вроде чулана, паутина, сидишь весь день в тулупе и читаешь летописи. Блеск. Но оказалось, что он попал в фабричный цех. В читальном зале ждали исследователи, им были нужны архивные дела, и задачей хранилищ являлось бесперебойное снабжение их этими делами. Дневная норма выемки дел из коробок и подкладки их обратно — жуткая. В коробках папки часто битком, попробуй, выцарапай оттуда нужное дело или воткни его на место. Если вынул из коробки не то, не страшно: подложил на место — и все. А вот если при подкладке дел обратно засунул папку не в ту коробку — кошмар, никто это дело не найдет до проверки наличия, которую делают раз в пять или десять лет; поэтому весь рабочий день внимание напряжено, как у таксиста. Мало того, дела как нарочно или с самой нижней полки, или с самой верхней, то нагибаешься, то лезешь на стремянку. Пыль попадает в легкие, там ее никакой тряпочкой не сотрешь. Ост-

рые края обложке режут ладони и пальцы в кровь — запросто получишь заражение крови. В делах обалденно интересные документы, а почитать их некогда. Да еще главный хранитель дергает:

— Почему до сих пор не подобрано для замдиректора?

— Вы же сказали, что в первую очередь — для читального зала!

— Да, но Чуvasова — это такая фигура! Давай в темпе. Отнесешь ей в кабинет.

Прокушев слышал, как заведующая хранилищем сказала посетителю:

— Александр Александрович Зимин выпустил книгу «Россия на пороге нового времени».

В КБ таких разговоров не было. После тошнотворной электротехники Иннокентий попал, наконец, в совершенно иной мир — исторической науки, это захватывало. Нет, слабый глагол. Завораживало!

Запомнилась фраза главного хранителя:

— У нас или выскакивают пулей через полгода, или застревают на всю жизнь.

Прокушев выскакивать не собирался. Он вкалывал. Сказал маме:

— Меня хвалят.

— На работу ездят не за похвалами, а за деньгами, — ответила она.

Федеральный архивный комитет прислал в архив бригаду из НИИ архивоведения для уточнения норм выработки. Через неделю ученые установили, что большинство норм завышено, архивно-техническим сотрудникам и хранителям фондов не под силу справиться с такими объемами работ. Среди архивного рабочего класса разнесся радостный слух: нормы снизят. Чуvasова обязала весь личный состав явиться на собрание и заявила с трибуны:

— По тем видам, где предлагают повысить нормы — принимаем. А там, где хотят понизить — оставляем прежние.

«Зачем тогда присылали ученых?» — подумал Иннокентий.

Его охватил гнев каменотеса.

Не знавший до прихода в архив физического труда (один раз только, в стройотряде, да и там больше загорали), он осунулся, брюки сползли. Мама страдала, глядя на сыночка.

В те годы проезд в метро стоил пять копеек, обед в архивной столовой — семьдесят, квартплата составляла два рубля. Государство многое дотировало, и пролетарий Прокушев голодным, раздетым и разутым не ходил.

Прошло еще полгода, и к нему подошла заведующая сектором модернизации, позвала к себе:

— Работа будет сидячая, и получать будешь девяносто.

О, счастье! Разбогатев на десятку в месяц и став старшим хранителем фондов, Прокушев больше спину не гнул. Весь день спокойно сидел и нумеровал документы. Это была совсем другая жизнь. Правда, зимой в хранилище было прохладно, он не снимал пальто, а сверху надевал халат.

Иннокентий работал с архивным фондом Московского охранного отделения. Почти на каждом листе внизу была подпись начальника отделения: ротмистр Ратко, ротмистр Ратко, ротмистр Ратко — и так час за часом, изо дня в день. Вдруг однажды пошло новое: подполковник Ратко, подполковник Ратко... С повышением, ваше высокоблагородие, подумал архивист. Потом настал черед материалов о Чукотке. Прокушеву понравилось предание о крещении чукчей: «Приехал русский шаман,

очень волосатый, очень сердитый, побрызгал водой и уехал». В советское время оказалось, что чукчи очень любят собрания. Назначит начальник заседание, кто-нибудь из местных на собаках: вжик! вжик! от стойбища к стойбищу. И чукчи все как один съезжаются. Затем Иннокентий развернул типографский плакат 1919 года, обращенный к жителям казачьей станицы, только что освобожденной от белогвардейцев; красное командование предупреждало станичников: за это — расстрел, за то — расстрел, и так по всем пятнадцати пунктам. Попадалось много интересных документов. Вот прошения Михаилу Ивановичу Калинин у помиловании от членов ленинского политбюро, приговоренных к высшей мере социальной защиты, и везде резолюция всеоюзного старосты: отказать, отказать. Множество писем в Москву из провинции — из Балашова, Ачинска, Тотьмы и других мест: «Дорогой Леонид Ильич! Нет мяса, масла, сыра, яиц, мебели, бытовой техники, пеленок, батареек...»

Кроме нумерации документов, Иннокентий изредка измерял влажность и температуру в хранилищах и даже однажды — метраж в туалете. Тупейшая работа. Это безобразие, понимал он, объяснялось отсутствием у него диплома архивиста или историка. Но поступать в двадцать семь лет на первый курс истфака МГУ и сидеть там в окружении вчерашних школьниц и школьников?.. МЭИС уже выпил из него всю кровь, этот ужас Прокушев не забыл. В нем отчасти еще жил романтик и идеалист, но уже не до такой степени, чтобы ради еще одной синей (а вдруг красной?) корочки шесть лет ездить каждый вечер после работы на Ленинские горы, писать по выходным доклады и курсовые, сдавать сессии.

При этом интерес к науке в душе Иннокентия не угас. Он по-прежнему много читал. Он был еще молод, цепкая память не выпускала из головы имена, факты и даты. Можно сказать, что он постепенно получал домашнее историческое образование. И настал момент, когда он задумал статью для журнала, причем по никем не изученному вопросу. Стал заказывать для себя в хранилищах архива материалы по выбранной теме, ему их охотно выдавали под роспись: свой сотрудник, почему не пойти навстречу? В рабочее время заниматься для себя не было возможности: дневная норма нумерации документов была очень напряженной. Так что пришлось постоянно приезжать на службу на час раньше (следовательно, раньше вставать) и задерживаться на работе вечером. Во время отпуска хорошенько покопался в других архивах Москвы. Привлек малоизвестную часть дореволюционной прессы, для этого зачастил в Библиотеку имени Ленина. Выбранная им тема была острой. Один раз ему в библиотеке привезли из хранилища в читальный зал объемную подшивку заказанной им редкой монархической газеты, официально не находившейся на секретном хранении. Библиотекарь не заметила, что к подшивке начальником подколота бумажка с распоряжением: «Не выдавать, писать ответ: «В работе»». Прокушев притащил тяжелую подшивку на свой стол, воровато огляделся, отодрал гадкую нашлепку с запретом и сунул в карман. Если бы застукали — отобрали бы читательский билет. Через год исследование было закончено, он дома полторы недели печатал его одним пальцем на пишущей машинке, после чего отвез в редакцию журнала «Историческая наука в СССР». Через три месяца (для толстого издания срок минимальный) вышел номер с его статьей. Настал час торжества Прокушева: не у каждого доктора исторических наук есть публикация в академическом журнале, да еще на двадцати двух страницах. Происшедшее не было пустяком. Оно, прежде всего, означало, что Иннокентий до-

стиг своей цели: стал историком. Сын преподнес матери экземпляр с надписью: «Моей маме — мое главное дело в жизни». Дарья Антоновна поставила журнал на видное место на полке за стеклом и впоследствии показала всем подружкам и соседке, которая восхитилась:

— Горжусь знакомством.

Прокушев подарил по экземпляру всем сотрудникам сектора и, с особым удовольствием, заведующей: дескать, пора меня заметить. Гононар потратил на вино и угощение, привез это роскошество в комнату в Реутове.

Мила Косицына хотела замуж и ребенка. Иннокентий же думал: куда торопиться? Почти вся жизнь впереди, еще столько будет женщин. Но потом, после того как чувство к Миле и потребность в ней ушли из его души и тела, ничего особенного по женской части в его жизни больше не состоялось. В негласном списке архивных женихов Прокушев значился на первом месте. Сближение начинается с общения. В архиве работало немало юных девушек, розовых и свежих, одна симпатичнее другой. Но Иннокентий не знал, о чем с ними говорить. А у населявших хранилища и отделы женщин — молодых, умных и усталых — была потрясающая тема для беседы за чаем, но только одна: когда прибавят? Спустя годы Прокушев пожалел, что расстался с хорошей бабой Косицыной. Он тогда привык к ней, надо было жениться, родили бы ребенка, жили бы вместе без любви, но и без ненависти, так коротают век миллионы. Пожалел, что у него нет сына. Причем снова не заглянул в будущее и не подумал, что пройдет еще много лет, он станет одиноким пожилым человеком без внуков. Откуда внуки, если нет детей.

Но вернемся к Кешинскому научному триумфу. Зазвонил телефон в секторе модернизации, заведующая позвала молодого ученого из хранилища. Незнакомый голос в трубке сказал:

— Здравствуйте, Иннокентий Глебович. Мне сказали, я поехал в Ленинку, прочитал. Статья хорошая. Сколько вы просмотрели! Вы собрали уникальный материал.

Затем явился седой человек.

— Я ищущу Иннокентия Глебовича.

— Это я.

Мужчина оказался доктором из Научно-исследовательского института истории Академии наук СССР, того самого. Мужчина стал убеждать Иннокентия Глебовича идти к нему в аспирантуру:

— Вы самостоятельно мыслите, не пугаетесь авторитетов, работоспособны, у вас буквально собачий нюх на свежий, никому не известный архивный материал. Но у вас нет научной школы. Если устранить этот недостаток, из вас получится большой историк.

Такого сногшибательного эффекта Прокушев не ожидал: доктор наук специально приехал его уговаривать. С ума сойти! Тут же подумал: здарсьте, я ведь в ваш институт приходил, и меня послали. Но учиться неохота. Хватит. Кроме того, даже если соглашусь, а потом успешно защищусь — все равно в архиве не платят за степень. В НИИ истории платят, но там я буду рядовым солдатом: младший научный сотрудник изучает не то, что ему самому хочется, а то, что прикажет изучать академик. Мне интересна Россия при Временном правительстве, а скажут: выдай статью о торговле в Туркестане в XIX веке.

— Я по образованию не архивист и не историк. У меня диплом инженера-электрика. Мне не сдать экзамены.

Ученый только головой покрутил. Потоптался, ушел, но оказался настойчивым. Наутро позвонил:

— Поверьте, я не часто зову в аспиранты.

Иннокентий Глебович опять отказался.

Зашел незнакомый исследователь. Сказал:

— Я через неделю улетаю. Можно оформить для меня срочно?

— У нас очень много работы.

— Ну, пожалуйста, я вас прошу. А это вам.

В конверте оказался потрясающий сувенир: французская монета 1809 года достоинством двадцать франков с изображением императора Наполеона Первого Бонапарта.

Тем временем заведующая сектором модернизации дала почитать сенсационную для архива статью своего подчиненного Чувасовой. Та равнодушно пихнула журнал в гору бумаг на столе. Прошло время, она наткнулась на это издание, решила ознакомиться, и ей понравилось. В этот день после обеда было годовое общее архивное собрание. Заведующая сектором не успела подготовить выступление, а надо было, чтобы кто-нибудь выступил от сектора, и она попросила Иннокентия Глебовича. Его это не испугало. Ему было что сказать в микрофон переполненному залу.

— Мы в секторе модернизации всей душой — за сокращение числа мелких фондов. Существование даже мельчайшего фонда связано с возникновением бумаг, которые оформляются, утверждаются, подписываются, при переносе их занимают лифты. На всю эту возню тратится рабочее время и зарплата, причем количество этих бумаг стремится далеко презойти количество хранимых документов.

Идя на место, Иннокентий Глебович поймал на себе заинтересованный взгляд начальника отдела кадров. А дойдя и сев рядом с заведующей сектором, услышал от нее:

— Молодец.

Но главный эффект был впереди. Следующим утром на съезде КПСС генеральный секретарь ЦК, добросовестно зачитывая дремлющим делегатам многостраничный отчетный доклад, сказал, что в СССР учреждения завалены горами бумаг, подготовка, оформление, утверждение, рассылка, изучение и подшивка которых занимает колоссальное время, и пора сократить бумажный поток.

Простой служащий попал «в струю», да еще как: предвосхитил слова генсека!

Вечером, когда архивисты, поужинав, сидели у телевизоров, трансляцию из Кремля повторили. Наутро в приемной директора архива висел для всеобщего обозрения приказ о производстве Иннокентия Глебовича в главные хранители фондов с окладом сто рублей.

Больше Прокушев в холодном хранилище, в пальто и халате, пыльные документы не нумеровал. В теплой комнате он чистыми руками листал новые описи, выискивая опечатки и ошибки. Выискивал и находил, вследствие этого кому-то что-то приходилось исправлять, а порой и переделывать, с ненавистью к старательному Иннокентию Глебовичу, но Прокушев был принципиальным, и эту его черту руководство ценило. Но все равно, в считывании было мало творчества, следовательно — радости.

Марушкина давно смирилась с крутым поворотом в биографии сына, перестала упрекать его за потерю в зарплате: мальчик, слава богу, нашел профессию по душе.

Однажды в архиве организовали автобусную экскурсию в село Тару-

тино, в окрестности которого в 1812 году генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, после оставления русскими войсками Москвы, привел свою армию, чтобы закрыть французам путь на сытую Украину. Солнечным осенним воскресеньем 1979 года дама-экскурсовод водила архивистов по знаменитым местам. Пришли на редан Тарутинского лагеря. Тут Иннокентий Глебович наклонился, держа в кулаке подаренную ему французскую монету с профилем Наполеона, «нашел» ее у себя под ногами, поднял и показал окружающим. Экскурсовод обалдела. Сослуживцы обступили Прокушева, каждый, не веря глазам своим, подержал монету в руках, после чего все долго рылись в траве.

Иннокентий Глебович в тридцать лет получал сто рублей в месяц и стыдился этого. Пришла идея. В архиве имелось одно единственное подразделение, в котором сотрудники, в отличие от всех остальных, получали квартальные премии: хозрасчетный отдел. Этот отдел обрабатывал, при социализме за деньги, в различных концах Москвы (на «точках») архивы учреждений. Прокушев пошел на прием к Чувасовой, та согласилась предоставить добросовестному работнику возможность приподняться материально.

На точку можно было приезжать поздно, к десяти. К ежемесячной сотне добавилась, раз в квартал, премия шестьдесят рублей. На работе были продовольственные заказы, и стоять в магазине в очереди за продуктами приходилось реже. На точке в три часа уже отпускали. Появилось больше свободного времени, пиши статьи — не хочу. Но Иннокентий Глебович был уже не тот. Мотаться после работы по читальным залам? Он ехал домой, в отдельную квартиру, задолго до вечернего часа пик; в метро, если видел свободное сидячее место, желательно подальше от двери, с удовольствием усаживался и на остановках со страхом смотрел на людей, входящих в вагон, боясь появления беременной старушки на костылях с младенцем на руках. Однажды перед ним стояли, держась за поручень, двое мужчин средних лет. Прокушев начал фантазировать: вдруг один из них холост, а другой женат. Иннокентий Глебович попытался представить себе мысли того, кто стоял слева: «Сейчас приеду в пустую квартиру, никто не приласкает, не прижмется к щеке. И детишки не закричат радостно, что папа пришел». А тот, кто справа, думает: «Сейчас жена начнет бурчать: опять не попросил у шефа прибавки, козел. А Петька что-то натворил, завтра тащиться в школу, выслушивать от завуча». И оба мужика не ценят своего счастья.

Дома Иннокентий Глебович съедал обед, приготовленный мамой. Вспоминал, как готовил статью, носясь по архивам и библиотекам, и думал словами чеховского Ионыча: «Сколько хлопот, однако!» Отдыхал, листая «Историю Древнего Востока», знал ее наизусть. Особенно любил эпос о Гильгамеше. Прошли тысячи лет, всем теперь было до лампочки, кто там тогда затеял войну, а кто защищался; про великих и страшных древних правителей давно все, кто хотели, безнаказанно писали беспощадную правду, политика не мешала науке. Без четверти семь начиналась передача «Сегодня в мире». Иннокентий Глебович всегда ее смотрел. В комментариях бывали трогательные места: «Плохая погода в Бонне!», «На западной лужайке Капитолия зажглись огоньки Рождественской елки, но не весело простым американцам». Иногда звучала настоящая поэзия: «Здесь Соединенные Штаты обогащают намибийский уран, и здесь намибийский уран обогащает Соединенные Штаты». В семь передача кончалась. Прокушев, соскучившись за день по маме, отправлялся на троллейбусе в библиотеку.

Там, имея свободный доступ к полкам, брал и листал энциклопедии, смотрел иллюстрации во «Всемирной истории» и в «Истории Второй мировой войны». В девять библиотека закрывалась, и они с мамой шли к остановке, эти вечерние прогулки сын любил больше всего. Но иногда приходила тревожная мысль: когда-нибудь мамы не станет. Не хотелось думать об этом. Потом был ужин и кресло. Иннокентия Глебовича в те годы не раздражали фильмы про Ленина и партию, к тому же фильмы тогда не прерывали рекламой. Но больше нравились «Кинопанорама», «Клуб кинопутешествий», «Международная панорама», чемпионаты мира по хоккею, на которых блистала сборная СССР, «Кабачок «13 стульев», «Вокруг смеха», «Песня-1979», «Песня-1980», «Песня-1981». В День милиции, 10 ноября, всегда передавали большой концерт с Аллой Пугачевой, Софией Ротару, Геннадием Хазановым и другими звездами. В квартире было славно и удобно. От постоянной сытости, абсолютного физического и душевного покоя дома и на службе, а также из-за сексуального воздержания Иннокентий Глебович округлился.

Населению надоел промтоварный и продовольственный дефицит, интеллигенцию достала цензура. Дряхлые кремлевские мудрецы один за другим перебирались в лучший мир. Про маразматика, без сил лежавшего на троне, ходили анекдоты. Ни для кого не было секретом, что в СССР есть смельчаки, ведущие борьбу с режимом. Прокушев сочувствовал преследуемым диссидентам, а политическую атмосферу оценивал так: тошно, душно и воняет. Но лично ему было спокойно, сытно, и он на службе кое о чем помалкивал: чем будешь тише, тем будешь благополучнее. Высказывался только дома. А КГБ не волновало распространение в стране кухонного вольнодумства: главное, чтоб на собрании одобряли и поддерживали. Иннокентий Глебович одобрял и поддерживал. Только один раз не выдержал. К 60-летию СССР партбюро раздало во все комнаты красные бумажные флажки, молоденькая сотрудница развешивала их и предложила:

— Давайте, чтоб было весело, нарисует разные шуточные плакатики. Прокушев тут же предложил плакатик:

— «Слава КПСС!»

Девушка испугалась:

— Иннокентий Глебович! За такие шутки...

Нельзя сказать, что служебные обязанности Прокушева доставляли ему духовное удовлетворение. Но он успокаивал себя: рано освобождать юсь — ну и отлично.

Вокруг Дарьи Антоновны постоянно кружились незамужние женщины в возрасте хорошо за тридцать. Прокушев был неглуп, начитан. Одна дама сказала:

— Иннокентий Глебович! Полнота вас не портит.

Марушкина мечтала, чтобы Иннокентий нашел, наконец, свою судьбу (во дворе дома ласково разговаривала с чужими малышами, у ее подружек были внуки и внучки). Сын не забыл комнату в Реутове, она ему иногда снилась. Но, разлюбив Милу Косицыну, он утратил интерес к слабой и прекрасной половине человечества. А может быть, знакомые дамы все были не то? Кто знает, в чужую душу не залезешь. Прокушев часто думал о том, что мама ему бесконечно дорога, что никакой другой женщины ему не надо и что ни с кем ему не будет так хорошо, как с ней.

Ожидался визит в архив делегации китайских архивистов. Иннокентию Глебовичу поручили подобрать документы и фотографии, интересные

для гостей. Он с энтузиазмом порылся, нашел немало любопытного. Пришли китайцы и китайки с переводчицей. Прокушев рассказывал и показывал, а под занавес подвел иностранцев к гвоздю программы: красивому листу с иероглифами.

— Вот подлинное письмо Мао Цзедуна Никите Сергеевичу Хрущеву.

Гости благоговейно нагнулись над документом, читая его, в восточных глазах архивисток блестели слезы. Очень благодарили. Но потом старательный сотрудник получил по голове. Его вызвала Чуvasова:

— Кто вам разрешил показывать это письмо?

— Оно не секретное, находится на открытом хранении!

— Не все, что открыто, можно показывать иностранцам.

В стране начались преобразования. Пришла политическая свобода. Затем последовала либерализация цен, экономическая свобода и сумасшедшая инфляция. В советское время в архиве ни разу не задержали зарплату. Теперь же стали постоянно задерживать на месяц. Но даже когда обесценившиеся бумажки выдавали вовремя, Ипполиту Глебовичу в обед хватало денег только на суп. Второе с котлетой и компот стали для него какой-то фантастикой из Стругацких или Азимова. Прокушев снова похудел. Но его и Дарью Антонову достали социалистические порядки, и они голосовали за Ельцина и Гайдара, веря в перспективу прихода нормальной жизни. Правда, Егор Тимурович заявил, что опорой его партии являются бизнесмены. Это задело Ипполита Глебовича: а что, избирательные бюллетени десятков миллионов людей, голосующих за реформаторов, — не опора?

Государственные архивы были переведены из науки в культуру. Научных сотрудников переименовали в специалистов. Диплом архивиста или историка стал желательным, но не обязательным. Главный хранитель фондов Прокушев стал главным специалистом, что соответствовало ведущему научному сотруднику. Они бы с мамой выпили по этому поводу, но в доме рубля лишнего не было.

Доступным развлечением был телевизор. Изощрялись юмористы и пародисты:

Махнешь рукой, уйдешь домой
И выйдешь замуж за Васю-диспетчера.
Мне бить китов у кромки льдов,
Рыбьим жиром детей обеспечивать.
«Я — не комсорг и не профорг,
И не парторг!» — заявляю заранее.
Но буду ждать и тосковать,
Если ты не придешь на собрание.

Еще:

Все московские девчонки
Ходят надушенные,
А в кино берут билеты,
Ой, самые дешевые.
Мы, ребята-депутаты,
И сердца у нас горят.
Да к тому же демократы,
Ой, разбирайте нарасхват!

Прокушев перестал скитаться по точкам, вернулся в основное здание архива. Он мечтал занять место Семена Текутьева — заместителя на-

чальника отдела. Семен окончил профессионально-техническое училище, на третьем десятке лет был вальцовщиком стана седьмого разряда и обладателем партбилета. Он восхищался царем Петром Первым. Как и Прокушев в молодости, Текутьев оказался чудиком: захотел работать с историческими документами и еще в молодости ушел с завода. Парня не только взяли в архив сразу на девяносто рублей (беспартийным с таким образованием давали 62 рубля 50 копеек, еще меньше тогда получала только гардеробщица — 60), но и зачислили на вечернее отделение Исследовательско-архивного института. Этому не помешало то обстоятельство, что на вступительном экзамене в неплохом сочинении «Образ Татьяны Лариной» количество грамматических, орфографических, синтаксических и пунктуационных ошибок Семена зашкалило. На первом курсе ему не терпелось приступить к изучению жизни и деятельности царя-преобразователя, за этим и поступал, но вместо этого пришлось тратить время и силы черт знает на что. А на занятиях по английскому девочки — студентки потешались над Текутьевым: он артикль the произносил как «тхе».

На экзамене по истории партии Семен натерпелся страху, пока дождался своей очереди. Перед ним отвечала тихая девушка из религиозной семьи. Преподавательница обвинила ее:

— Вы не уважаете мой предмет.

Студентка сказала:

— Я ко всем предметам отношусь очень хорошо, а к вашему просто хорошо.

Ушла с тройкой. Настал черед Текутьева. Ученая дама задала ему вопрос по дореволюционному периоду, об РСДРП¹.

— Я думаю... — начал бывший вальцовщик.

— Меня не интересует, что вы думаете, — прервала она, — я хочу от вас услышать, что писал Ленин.

Текутьева обидело, что ей не важно, что он думает, и он не стал ничего говорить. Далее он так и не смог ей объяснить, почему в интересах крестьян надо было обязательно собрать их в колхозы. Апогеем его ответа стало неосторожное утверждение, что перейти к бесплатной раздаче трудящимся материальных благ по потребностям не удастся никогда. То есть недавний секретарь партбюро холоднопрокатного цеха не верил в построение коммунизма! Ну и схватил неуд.

Семен плюнул и ушел из института. Но не из архива. Лет через пять оказалось, что в архив взяли именно того, кого надо. Из Текутьева получился бесподобный архивист-практик, далеко обошедший в профессиональном знании и умении других специалистов — не только дипломированных, но и «остепененных». С высот сыпались срочные задания, самые сложные из них поручали Семену. Текутьев носился сломя голову и неизменно находил все, что требовалось, вразвильно оформлял, всегда успевая в срок. Этому мастерству не учат в вузе, это дается природой или Богом. Прокушев как-то посоветовал заму:

— Ты пару раз не справишься, и от тебя отстанут.

Семен только улыбался.

Вот только писал он по-прежнему с ошибками. Он вообще был славным мужиком. Выросший в самой простой семье, Текутьев никогда не матерился. У него был один поведенческий недостаток: войдя в комнату,

¹ Российская социал-демократическая рабочая партия.

всегда включал радио. Оно очень мешало Иннокентию Глебовичу сосредоточиться, он терпел, а когда зам выходил, тут же вставал и выключал. Семен возвращался и машинально включал снова: он не мог работать, если в углу под потолком не бурчало.

На смену «лихим» годам пришли «тучные». Прокушеву, уже пожилому, не нравились теперь ни правители, ни оппозиционеры. Что такое наступившая старость? Это когда человека начало тошнить от пропаганды, когда ему приелось быть игрушкой в руках политиканов, к какому бы лагерю они ни принадлежали. Поскольку журналисты разделились на адвокатов и обвинителей действующей власти, Иннокентия Глебовича перестали интересовать и те, и другие. Он охотно послушал бы объективного судью, но такого в эфире не находил. Кроме того, он боялся, что несогласные снова затеют смуту. Однажды, идя с Текутьевым в сквере, высказал свои опасения:

— Мы уже пережили это. Сначала перестройка, ускорение, гласность, новое мышление, демократизация. Потом распад страны на части, враждующие между собой. Так, может, не стоит голосовать за оппозицию? Не стоит трогать, ломать нынешнюю систему, более-менее устоявшуюся? Существует же медицинский принцип: не навреди.

Семен ответил:

— Сегодняшнее спокойствие временное. Если почивать около нефтяной трубы и не продолжать прогрессивные реформы, то экономика, а с ней и государство однажды снова развалятся, сами, без помощи оппозиционеров и Госдепа.

— Трудно убедить людей, что от реформ им стало лучше, — сказал Прокушев.

— Легко: только напомнить про пустые прилавки 1991 года.

— В Москве до Горбачева на прилавках все было.

— Поэтому не любили москвичей. Да и в Москве было не все. Все было при царе.

Под ногами шуршали, словно опавшая молодость, ворохи высохших кленовых листьев. Выглянуло солнце, и повеяло теплом. Природа не решилась порвать с летом. Красота листопада не позволяла Иннокентию Глебовичу впасть в отчаяние под занавес своего шестого десятка. Текутьев еще что-то говорил, но Прокушев уже не слушал: навстречу по аллее шла молодая, привлекательная, хорошо одетая дама. Иннокентий Глебович смотрел на ее ноги и, балдея от собственной наглости, мечтал быть ею любимым. Дама прошла мимо, он посмотрел ей вслед. Опять шел, не слушая Семена, и думал о некой женщине, которую он, в общем, так и не встретил, которая осталась его мечтой, никому не рассказанной сказкой.

Зам все чаще публиковал свои архивные разыскания и заметки об императоре Петре Великом. Прокушев ему помогал: постоянно — в качестве корректора и изредка — в качестве редактора. У Текутьева была жена и две взрослые дочери, он мечтал перейти в Федеральный архивный комитет: там больше платили. Наконец, зама туда перевели. И Иннокентий Глебович, которому никто повышения не обещал, преисполнился надеждами. Он был давним уважаемым опытным сотрудником, не имел взысканий, следовательно, имел хорошие шансы — так он полагал. Не говоря никому ни слова, несколько дней находился в подвешенном состоянии, лелеял свою мечту. Зря. Пути начальства неисповедимы. Оно предпочло на место зама другую кандидатуру — сопливую тридцатилетнюю девчонку. Та окончила Исследовательско-архивный (называла его «Иссле-

довательско-противный») институт и аспирантуру. Радио под потолком не включала, но это не могло сгладить обиду Иннокентия Глебовича. Он пришел домой, сел перед телевизором в кресло рядом с Дарьей Антоновой. По каналу «Культура» пели и читали.

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди...
...В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Прокушев тут же, мгновенно сочинил в подражание, даже удивился — не ожидал от себя таких способностей:

Глупые надежды, до свиданья.
Не бывают тяжести легки.
Позади мечты и ожидания.
Впереди обиды и плевки.

Потом начался старый американский фильм. Иннокентий Глебович смотрел, не слушая. Напрасно он когда-то все затеял, ушел из щедро субсидируемого оборонного НИИ в учреждение, забытое богом и властями, причем, как потом выяснилось, властями любимыми: социалистическими, демократическими, нынешними. Не случился ли у него тогда, в 1974 году, приступ безумия? Вот что значит молодость! Сейчас бы он не решился на такой безрассудный поступок. Оставил востребованную профессию, бросил прекрасное место, да еще рядом с домом! Просто преступник. По собственной воле угодил в шестеренки архивного механизма, учрежденческая машина втянула и закрутила его. Был изнурительный физический труд за копейки. Нанимаясь в архив, он надеялся выполнять работу, связанную с историей. И просчитался. Кому в архиве было дело до того, что он полюбил историю и бросил ради нее прежнее ремесло? У руководителей учреждения и подразделений, обремененных планом и внеплановыми заданиями, не было времени анализировать его переживания. Шли годы. Статья в лучшем, престижном историческом журнале, которую ему, кстати, никто не поручал, принесла ему работу легче и чище, но такую же скучную, как и раньше; в качестве историка он никого в архиве собой так и не заинтересовал, ни на грамм. С огромным опозданием Прокушеву стало ясно, что он не архивист. На протяжении десятков лет исполнение им его служебных обязанностей не давало и не дает ему духовного удовлетворения; он не может развернуться, здесь ему негде приложить свои знания и способности. В государственном архиве нужны не историки, а архивисты. Их труд непрост и благороден, но написание истории не входит в их производственные функции (в свободное время — пишите, пожалуйста, никто не возражает), их главная задача — достойная, но совсем другая: помогать историкам, приходящим заниматься в читальный зал архива. Вот где обитает историческая наука: в читальном зале. Ему, Иннокентию, судьба послала реальную возможность попасть в заветный читальный зал в качестве исследователя, перестроиться из архивистов в историки: два дня подряд его настойчиво тащил в аспирантуру доктор из НИИ. Надо было согласиться, а он сглупил и отказался. Теперь винить некого, кроме себя. В общем, жизнь прошла неудачно, *не так и не там*. Да еще приходится таскаться на противоположный конец мегаполиса в метро, в давке, где чихают гриппом, а то и туберкулезом (отвернуться порой невозможно — настолько тесно в вагоне), и где запросто можно угодить в теракт. В шестьдесят он получает гроши по сравнению с зарпла-

ми однокурсников. Тридцать пять лет назад Дарья Антоновна сказала: «Ты пожалеешь». Как она была права, и до чего же туп был он! Эх, если бы размер пенсии позволял выжить! С радостью бы написал заявление об уходе.

Тут прозвучал знаменитый диалог:

— Джо, вы любили когда-нибудь?

— Нет. Я всегда был барменом.

Иннокентий Глебович посмотрел на мать: восемьдесят шесть, держит молодой, постоянно рвется что-нибудь сделать — убрать, сходить в магазин, приготовить еду. Подумал: раз он, Прокушев, осознал совершенную когда-то глупость, значит, он поумнел.

Фильм кончился. Запел под гитару Юрий Кукин.

Вы пришлите в красивом конверте

Теплых слов шелестящий шелк.

Ну а мне вы не верьте, не верьте —

Я такой — я взял и ушел.

Иннокентию Глебовичу вспомнились концерты в МЭИСе. Он вытер влажные глаза. Стало легко. В прожитом и пережитом ничего не изменить. Его путь оказался простым и обычным, содержащим десятки лет добросовестного труда, научное творчество, роман с Милой Косицыной, любовь к матери. всплыло: Дарья Антоновна, молодая, в белом платье, приехала на детсадовскую летнюю дачу к нему, семилетнему, и на зависть остальным ребятишкам забрала его досрочно в Москву. По лесной дороге они вдвоем направились к станции. Сквозь зеленый кров деревьев просвечивало голубое небо и пробивалось солнце. Над озером кружились чайки, высматривая рыбку. Кеша был в сандалиях и трусиках, его маленькая ладошка лежала в маминой руке, он шел домой, с мамой, и его детскую душу охватывало чувство безграничного, неповторимого счастья.

Москву ласково обнимала теплынь. Радовала взор ранняя листва за окном. Город тонул в синем вселенском просторе. После холода и спячки природа возродилась. Иннокентий Глебович почувствовал себя частичкой торжествующей жизни.

